

от 10 АВГ 38

Пенза Тамбов, обл.

Газета №

Н. СТРАХОВ

Бессмертие

В декабре 1902 года со сцены Художественного театра из уст героя горьковского пьесы „На дне“ прозвучали слова:

— Человек—это звучит гордо.

Их произнес Константин Сергеевич Станиславский, исполнивший роль Сатина. В этом образе артист с потрясающей силой передал пламенную и неустранимую веру в человека. Это мог сделать артист, который понимал идеал искусства, как „простое, сильное, глубокое, возвышенное, художественное и красивое выражение живого человеческого чувства“.

На сцене Художественного театра встретились великий буревестник революции, автор бессмертных творений социалистической литературы, и великий реформатор театра, поборник реалистического искусства. Эта встреча имела благотворное влияние на дальнейшее развитие русского театра. Эта встреча знаменовала тесное духовное родство мастера сцены и мастера слова в борьбе за правду мысли и чувства. Недаром К. С. Станиславский впоследствии вспоминал, что „главным начинателем и создателем общественно-политической жизни в нашем театре был А. М. Горький“.

МХАТ, ставший сокровищницей подлинно народного искусства, своим расцветом обязан тому крепкому рукопожатью Горького и Станиславского, которое несколько десятков лет назад сплело воедино правду и ее сценическое воплощение, дало молодому театру путь в жизнь.

Путь Станиславского—это величайший подвиг, самоотверженное служение народу, бурное творчество, не-

утомимые поиски истины, благородная и непримиримая борьба за реализм, за воссоздание на театральных подмостках живой, настоящей жизни, борьба против бутафорской лжи и фальши. К. С. Станиславский родился в 1863 году—на рубеже двух эпох. Он помнил „остатки крепостного права, сальные свечи, карселевые лампы, тарантасы, дормезы, эстафеты, кремневые ружья, маленькие пушки наподобие игрушечных“. На его глазах „возникали в России железные дороги с курьерскими поездами, пароходы, создавались электрические прожекторы, автомобили, аэропланы, дредноуты, подводные лодки, телефоны—проводочные, беспроволочные, радио-телеграфы, 12-дюймовые орудия. Таким образом от сальной свечи—к электрическому прожектору, от тарантаса—к аэроплану, от парусной—к подводной лодке, от эстафеты—к радио-телеграфу, от кремневого ружья—к пушке Берте и от крепостного права—к большевизму и коммунизму. Поистине—разнообразная жизнь, не раз изменявшаяся в своих устоях“.

Через эту жизнь неутомимый труженик пронес на крыльях своего вдохновения дерзкую мечту о прекрасном будущем театра, о свободном взлете человеческой личности, о народной культуре. Он начал войну за возрождение русского национального театра, за традиции Щепкина в то время, когда театры были выгодными предприятиями для торгашей и спекулянтов, когда на сцене кривлялись уродливые тоны символизма и декадентщины.

В мрачные годы царского режима К. С. Станиславский вместе с Вл. И.

Немировичем-Данченко, при ближайшем участии А. П. Чехова и М. Горького, создал образцовый театр, открыв замечательную страницу в истории русской художественной культуры. Этот театр смело выступил против ложно-бытового стиля, штампа и искусственности, против формализма.

История этой борьбы—летопись жизни и исканий Станиславского. Создание МХАТ—его смелый эксперимент. Жизнелюбие и торжество МХАТ—победа метода Станиславского.

Великий мастер театра в поисках сценической правды сам создал целую галерею образов, дерзал и экспериментировал, ошибался и сурово порицал себя за ошибку, и снова искал, переживая роль, познавая ее чувства.

Играл доктора Штокмана в пьесе Ибсена, он нес к зрителю невыразимое страдание героя, глубоко верившего в человека и оскорбленного в этом искреннем чувстве пошлостью жизни. И зритель воспринимал внутреннюю правду роли.

Работая над ролью благородного и обаятельного Вершинина из „Трех сестер“ Чехова, артист шел к образу от своего собственного сознания неправоты жизни, от своей веры в счастливое будущее, для которого он жил, работал, страдал, которое творил, видя в этом цель бытия и счастье.

Он создавал свои образы, постигая их современнейший смысл, обогащая роль знанием жизни и могучим воображением. Поэтому каждая роль Станиславского,—будь то страстный человек-любец Сатин, исповедь которого звучит призывом к борьбе, или безвольный ребенок Гаев из „Вишневого сада“, не умеющий бороться за лучшее будущее, милый, но вунюжный,—по-своему строго индивидуальна и характерна. В ее основе лежит то же проникновение в идею образа, соответствующую тенденциям общественного развития. В ее основе лежит непримиримый принцип правды.

На этом принципе, проверенном полувекшовой сценической практикой артиста и режиссера, строгого и всестороннего художника, покоится та называемая „система Станиславского“—система воспитания актера, его работы над ролью. Станиславский учил актера „верить всему, что происходит вокруг, и, главным образом, тому, что он (актер.—Н. С.) сам делает. Верить же можно только правде. Надо поэтому постоянно чувствовать эту правду, находить ее, а для этого необходимо развивать в себе артистическую чуткость к правде“.

Метод Станиславского оправдал себя. Его система воспитала артистов МХАТ, нашедших полное применение своим сверхающим дарованиям только после Великой социалистической революции. Революция оплодотворила реализм мастера сцены и двинула вперед дело развития его прогрессивных идей. Для творчества открылись широкие возможности, невиданные перспективы.

И тогда патриарх русского театра обрел вторую молодость. До глубокой старости он сохранил юношеский пламень, неустранимое стремление к дальнейшим познаниям тайн искусства. Он поставил свой талант на службу народу и посвятил остаток жизни воспитанию новых артистических кадров.

В нашей стране нет ни одного такого выдающегося актера, который бы не считал себя учеником Станиславского. Знаменитые Качалов и Москвин, Леонидов и Тарханов признают Станиславского своим первым и лучшим учителем, обращают к нему слова благодарности.

„Тому, что я сумел послужить народу высоким искусством, я во многом обязан великому воспитателю—К. С. Станиславскому,—говорит И. М. Москвин.—То, что он сделал

для меня, я не могу забыть никогда, и не забуду“.

„За все то, что он дал театру и лично мне, как актрисе, приношу ему свою огромную любовь и благодарность“,—пишет О. Л. Книппер-Чехова.

„Он—друг и учитель, которого я люблю и уважаю, в присутствии которого я чувствую себя молодым“,—говорит Л. М. Леонидов.

Своим театральным воспитанием обязаны Станиславскому такие мастера из второго поколения МХАТ, как Н. Хмелев, А. Тарасова, Б. Ливанов и другие. На великодушной книге Станиславского „Моя жизнь в искусстве“, этой всеобъемлющей энциклопедии театрального мастерства, учатся и будут учиться тысячи и десятки тысяч молодых советских актеров.

Партия и правительство высоко оценили труд великого гения русской сцены, присвоив ему звание Народного артиста СССР, украсив его грудь орденами Ленина и Трудового Красного Знамени. Родина окружила гениального актера теплой заботой и вниманием. Это внимание является свидетельством любви народа к искусству, понимания им его высоких задач.

Поэтому, когда в переполненный зал МХАТ входил своей легкой походкой гениальный основатель лучшего в мире театра, зрители восторженно приветствовали в лице старого актера чистоту и величие искусства. Поэтому недавний 75-летний юбилей Станиславского праздновала вся страна.

... Тяжело сознавать, что великого художника больше нет с нами. Смерть остановила его пламенное сердце, оборвала замечательную жизнь. Константин Сергеевич умер в расцвете творческой деятельности. Он был полон грандиозных планов и замыслов. Даже тяжело больной, не выходя из своей квартиры, он вел напряженную рабо-

ту по воспитанию молодых артистов, готовил постановку мольтеровского „Тартюфа“, писал новую книгу о творческой работе артиста. На квартире у него всегда толпилась жизнерадостная театральная молодежь. Один из знакомых Константина Сергеевича рассказывал, что Станиславский украдкой от врачей установил у себя под подушкой телефонный аппарат, чтобы всегда быть связанным с людьми, со своим театром.

Пламенный патриот родины, будучи больным, он в день выборов Верховного Совета СССР обратился в избирательную комиссию с просьбой дать ему возможность выполнить долг гражданина. На квартиру артиста приехал председатель комиссии и вручил ему бюллетень. Народный артист опустил бюллетень в избирательную урну, голосуя за кандидата блока партийных и непартийных большевиков, за партию Ленина—Сталина, во имя которой он работал непокладая рук.

В могучей созидательной работе нашего народа Станиславский видел источник вдохновения, для него было счастьем жить и работать в нашу эпоху.

„Это чувство,—писал Станиславский,—результат воспитания, которое дала нам коммунистическая партия, во главе с дорогим, любимым Иосифом Виссарионовичем“.

У праха гениального мастера сценической правды обнажили головы все работники искусства. Для них Станиславский был строгим и требовательным учителем, милым и обаятельным человеком. В почтительном благоговении перед величием подвига, совершенного этим рыцарем культуры, чтит его светлую память весь советский народ.

Патриарх русского театра умирал спокойно. Он передал свое дело в надежные руки. Созданный им когда-то вместе с другим выдающимся театраль-

ным деятелем Вл. И. Немировичем-Данченко общедоступный театр стал лучшим театром страны, ярчайшей звездой в созвездии орденосных театров. Прошлогодние гастроли МХАТ в Париже, недавние гастроли в Ленинграде, блестящие постановки „Анны Карениной“, „Любови Яровой“, „Земли“ показали, что МХАТ является вершиной советского театра.

МХАТ стал любимым театром народа потому, что поставил свой огромный, накопленный десятилетиями опыт на службу социалистической культуре, потому, что его коллектив следовал и следует неуклонному наказы основателя театра: никогда не удовлетворяться тем, что достигнуто, учиться дальнейшей правде, принципиально и последовательно защищать великое искусство реализма от натуралистических и формалистических влияний.

„Така к прекрасному повышаю искусство так точно, как и требования к нему,—учил Станиславский.—Наше дело—возбуждать и поддерживать такие стремления“.

Навечно сохранит народ память о могучем преобразователе русского театра. Его подвиг оценен советской страной, и неоспоримое значение его работы признано во всем мире. Для роста духовной силы и красоты народа Станиславский отдал свою замечательную жизнь великого артиста и могучего работника воспитателя артистов, человека-красавца.

Обаятельной красоте этого человека почтительно поклонился Максим Горький. Армия советских артистов—серебряных седоков сотоварищей Станиславского до молодых и жизнерадостных драмкружковцев—с уважением встает в почетный караул у праха гения и знаменосца советского театра.

Он обрел право на бессмертие—счастливый удел великого мастера социалистической культуры.